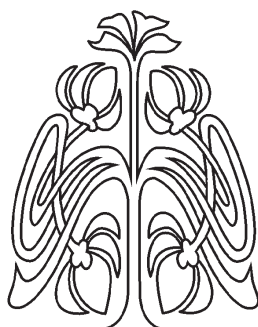
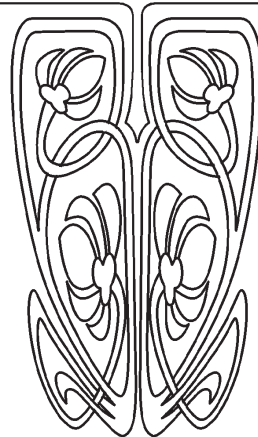

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 290–298
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 290–298
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-290-298>
EDN: JPBCBF

Научная статья
УДК 821.161.1.09-2+929 Писемский

Вопросы ономастики в драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» и религиозно-моралистические взгляды писателя

О. В. Тимашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тимашова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рус-
ской и зарубежной литературы, timaschova.ov2@gmail.com, <https://orcid.org/000-0003-3260-8849>

Аннотация. Материалом исследования послужила пьеса А. Ф. Писемского «Горькая судьбина». Эта пьеса, «Очерки из крестьянского быта», как и вся его творческая деятельность, обогатили русскую литературу, раскрыли новые грани в изображении русского крестьянина. Целью статьи является исследование онимов в драме. Анализ пьесы в избранных аспектах позволяет углубить представление об истоках и художественных функциях житий святых в поэтике Писемского. Имена и фамилии героев Писемского могут быть представлены как четкая структура. Они позволили выявить в общем рисунке драмы три основных аспекта подтекста: религиозно-моралистический, исторический и параллели с представителями животного мира. Подробно анализируются параллели: между житиями святых и судьбами крестьянских героев Писемского, фамилиями героев и пословицами; между отрицательными персонажами и негативными фигурами отечественной истории; между отрицательными персонажами и хищными животными (птицами). Доказывается, что именно оппозиция имен и фамилий является одной из важнейших авторских установок, влияющих на смысловую структуру произведения. Оппозиция христианских крестьянских имен и фамилий дворян означает противопоставление христианского и безбожного начал. Изучение психологической нагрузки онимов в границах перечисленных тонов способствует более глубокому осмыслению трагедии главных героев драмы на фоне русской крестьянской жизни. Отдельно рассматривается вопрос о влиянии исторических теорий М. П. Погодина на замысел пьес Писемского «Горькая судьбина» и «Милославские и Нарышкины».

Ключевые слова: ономастика, русская драматургия XIX века, А. Ф. Писемский, драма «Горькая судьбина», жития святых, месяцеслов, Библия, М. П. Погодин

Для цитирования: Тимашова О. В. Вопросы ономастики в драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» и религиозно-моралистические взгляды писателя // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 290–298. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-290-298>, EDN: JPBCBF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Onomastics issues in A. F. Pisemsky's drama *A bitter fate* and the author's religious and moralistic views

O. V. Timashova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Timashova, timaschova.ov2@gmail.com, <https://orcid.org/000-0003-3260-8849>

Abstract. A. F. Pisemsky's drama *A bitter fate* was used as the material for research. This play, as well as all his literary activity, his "Sketches of peasant life" have significantly enriched the Russian literature, revealed new aspects in depicting the Russian peasant. The aim of the article is to study onyms in this play. The analysis of the play from the chosen perspective allows to get a deeper insight into the sources and artistic functions of "Lives of Saints" in A. F. Pisemsky's poetics. All creative onyms by Pisemsky can be presented as an integral structure. The survey of the onyms allow to reveal three aspects of subtext in the general pattern of the drama: religious-moralistic, historical, and comparison with the representatives of the animal world. A detailed analysis is conducted of the parallels between the "Lives of Saints" and the fates of Pisemsky's peasant characters, their surnames and proverbs; of the negative characters and negative figures in Russian history; of the negative characters and animals or birds of prey. The author proves that the factor of names' and surnames' opposition is one of the most important author's ideas influencing the meaning of the literary text. The opposition of peasants' Christian names and nobles' surnames symbolizes the contrast of the Christian and atheistic ideas. Studying the psychological meaning of the onyms within the boundaries of the tones mentioned facilitates a deeper understanding of the tragedy of the play's main characters against the background of the Russian peasant life. The issue of the historic theories of M. P. Pogodin influencing Pisemsky's ideas of the plays *A bitter fate* and *Miloslavskiys and Naryshkins*, is considered separately in the article.

Keywords: onomastics, Russian drama of the 19th century, A. F. Pisemsky, drama *A bitter fate*, Lives of Saints, Menologion, The Bible, M. P. Pogodin

For citation: Timashova O. V. Onomastics issues in A. F. Pisemsky's drama *A bitter fate* and the author's religious and moralistic views. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 290–298 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-290-298>, EDN: JPBCCBF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

«Крестьянская» драма «Горькая судьбина» (1859) была признана лучшей в драматургическом творчестве Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881) критиками и современниками С. С. Дудышкиным [1], К. С. Аксаковым [2], М. Л. Михайловым [3], А. С. Хомяковым [4], Н. Д. Ахшарумовым [5], Г. А. Кушелевым-Безбородко [6], а позднее исследователями В. Я. Лакшиным [7], Л. М. Лотман [8], А. И. Журавлевой [9].

В труде «Три социальных драмы» (1906) И. Ф. Анненский поставил эту пьесу Писемского в один ряд с такими шедеврами, как «Власть тьмы» Л. Н. Толстого и «На дне» М. Горького. При этом Анненский указал на сложность раскрытия авторского идейного подтекста в связи с объективным методом писателя: «Идеи Писемского внедрялись в <...> процесс его творчества, приспособлялись к <...> краскам картины, выучивались говорить голосами <...> персонажей» [10, с. 51]. Иннокентий Федорович отметил необходимость привлечения разнообразных приемов филологического анализа: «Только вдумчивый анализ может открыть их присутствие в творении, которое поверхностному наблюдателю кажется <...> холодным барельефом» [10, с. 51–52].

Помимо индивидуального метода, следует учесть сложную цензурную историю пьесы. Критика и цензоры были поставлены

в щекотливое положение: с одной стороны, как уже говорилось, всем был очевиден высокий художественный уровень новой пьесы, с другой – с приближением крестьянской реформы (1861) степень остроты изображаемого в типичной северной деревне и барских покоях приближалась к критической. Об этой иезуитской двойственности сообщал компетентный А. В. Никитенко в своем дневнике: «Министр [народного просвещения А. С. Норов] призывал к себе Писемского, очень хвалил его драму, дал слово пропустить ее, только спустя некоторое время» [11, с. 576].

В связи с этим и после многих вынужденных цензурой авторских переделок «Горькая судьбина» была разрешена к постановке только в 1863 г. Цензурные проволочки не помешали ее автору получить первую Уваровскую драматическую премию наряду с лучшим другом по «молодой редакции» журнала «Москвитянин», А. Н. Островским, завоевавшим награду со своей великой драмой «Гроза». Сложная творческая и постановочная история пьесы Писемского еще раз указывает на важность раскрытия авторского подтекста.

Цель нашей работы: углубленно проанализировать онимы персонажей центрального произведения Писемского – драмы «Горькая судьбина» (1859), их роль в раскрытии авторской идеи. Исследователи недавно приступили

к поиску связи между характерами персонажей Писемского и значением их имен и фамилий [12]. Примером может послужить статья Е. В. Кравченко «Система персонажей и семантика имен в романе А. Ф. Писемского “Тысяча душ” как способ выражения авторской позиции». Исследовательница доказывает, что «писатель выбирает коннотативные имена для своих героев, используя онимы не только для номинации персонажей, но и в характерологических целях» [13, с. 244].

Эта пьеса явилась закономерным тематическим итогом и в то же время новым шагом в изображении писателем крестьянского быта и нравов после цикла «Очерки из крестьянского быта» (рассказы «Питерщик» (1852), «Леший» (1853), «Плотничья артель» (1856)), опять-таки признанного современниками прорывным среди произведений того времени о народе. «Теория и практика “молодой редакции” “Москвитянина” и, в частности, ее главного прозаика А. Ф. Писемского дает прекрасную возможность проследить, как <...> нащупывались в русской прозе национальные типы, <...> вошедшие позднее в школьные хрестоматии» [14, с. 301]. Следуя очерковой традиции, в своих произведениях писатель с любовью и точностью изобразил мужицкие будни и праздники, интерьеры и костюмы. Синтезированная с нею в произведениях цикла повествовательная традиция представила интеллигентному обществу России нового «утешительного» [15, с. 259] героя.

Циклообразующий персонаж «Очерков из крестьянского быта» – это выходец из северных губерний: Климентий из рассказа «Питерщик», Петр из рассказа «Плотничья артель». «Питерщик» традиционно большую часть года проводил на заработках в столице, что давало возможность мужику выучиться, преуспеть и новыми глазами посмотреть на прежде священную фигуру помещика.

Все это с приближением освобождения крестьян от крепостной зависимости потенциально предвещало конфликт. Но в своем цикле Писемский этот конфликт смягчает: в рассказе «Питерщик» барин оказывается добр и снисходителен, забирает загулявшего крестьянина из города домой. В «Плотничьей артели» ненависть Петра к отцу и к допустившему несправедливый раздел в пользу отца помещику сублимируется в злобу против самого близкого и психологически «доступного» ему врага –

главу плотничьей артели Пузича, которого он и убивает. И в своей пьесе писатель-драматург такой конфликт изобразил.

Сразу обращает на себя внимание то, что конфликт между дворянами и крестьянами предвещается уже на уровне ономастики. В списке действующих лиц драмы «Горькая судьбина» помещики и чиновники лишены имен и фигурируют только под фамилиями (Чеглов-Соковин, Золотилев, Шпрингель) либо должностями (Исправник, Стряпчий). Это составляет резкий контраст с христианскими именами и отчествами (они же фамилии), которые даны драматургом всем представителям крестьянского мира (Ананий Яковлев, Лизавета, Матрена, Спиридоньевна), не исключая лиц второго плана (Федор Петров, Давыд Иванов).

В экспозиции родственник центрального героя, Чеглова-Соковина, озвучивает взгляды помещичьего общества на отношения барина и крестьянки: «Наша баба – колода неотесанная: к ней с какой хочешь относишься страстью, она <...> будет <...> думать: подаришь ли ты ей новый плат. И в такое полуживотное влюбиться?» [16, с. 179]. И далее, желая «позолотить пилюлю», Золотилев убеждает зятя, что супруг-мужик даже рад будет измене жены с барином: «И очень еще, вероятно, будет доволен [Ананий], что господин приласкал его супругу...» [16, с. 180].

Еще более жестоко относится к крестьянам следователь Шпрингель, который в ремарках фигурирует под определением «Чиновник» как представитель безликой государственной машины. Его иноземная фамилия может быть переведена как «область» или «приход» (вспоминается пословица: «Каков поп, таков и приход»). В сценах допросов им крестьян избилуют ремарки: «со злобою глядя на них» [16, с. 213], «толкая ее ногой» [16, с. 212], «колота по столу» [16, с. 219] «хватая его за бороду и таская» [16, с. 220], «колота его» [16, с. 221] и т. п.

Чиновник Шпрингель, в отличие от помещиков, жаждет раскрыть дело, но не затем, чтобы помочь подсудимому, а дабы укрепить свою репутацию следователя и сделать карьеру. Об этом свидетельствует ремарка при появлении персонажа: «Чиновник особых поручений – молодой человек <...> в франтоватом вицмундире с длинными красивыми ногтями и вообще <...> господин из честолубивых, но не из умных» [16, с. 212]. Его разоблачает и грубая лексика при общении с Ананием: «Пойми ты, рожа твоя

глупая, что когда ты докажешь, что у жены твоей был незаконный ребенок, ты наказание себе облегчишь: вместо того, чтобы тебя, каналью, отдать под кнут, сошлют...» [16, с. 221].

Особенную ярость Шпрингеля вызывает благочестие Анания, житийные христианские истоки которого чиновник прекрасно понимает, что следует из его реплики: «Гм. Философ какой!»; «Зачем же сдался [правосудию, вместо того, чтобы бежать и скрыться]? И жил бы <...> в пустыне, питался акридами» [16, с. 218]. Чиновник не верит в чувство деликатности и любви мужика, полагая, что подсудимого заставил замолчать помещик: «Нет, ты не Богу, а тому же дьяволу хочешь служить, потому что подкуплен!» [16, с. 221].

Пословицы указывают на единство между конфликтующими дворянами и чиновниками. Все они, вне зависимости от фамилий и званий, относятся к крестьянам как к скоту, не веря в возможность простолюдинов мыслить, любить, вообще жить духовной жизнью. И это безбожное убеждение, по мнению писателя, лежит в основе социального конфликта, который в пьесе легко угадывается за частным любовным конфликтом.

Не случайно писатель дает центральному дворянскому действующему лицу говорящую фамилию, уподобляя его птице, причем именно хищному представителю животного мира. Наблюдательность и любовь к природе у уроженца костромского селца, выходца из бедной деревенской дворянской семьи Писемского понятны. Но следует отметить, что этот интерес проявился именно со второй половины 1850-х гг. В романе «Взбаламученное море» (1863) многим отрицательным героям даны фамилии, восходящие к видам пернатых, – Галкин, Бакланов. При этом Бакланов носит фамилию, восходящую к названию птицы, о наблюдениях за которой Алексей Феофилактович писал жене из экспедиции в Астрахань 25 марта 1856 г.: «Меня более всего заинтересовали бакланы, <...> которые по рассказам находятся в услужении у пеликанов <...>. Пеликан сам не может ловить рыбу, и это для него делает баклан <...>. Чем вознаграждают их за эти услуги пеликаны – неизвестно!» [17, с. 95]. Писатель указывает, что животный мир для него стал символом оскотинивания современников: «Очень верное изображение человеческого общества» [17, с. 95].

Об аналогичном приеме авторской характеристики в драме «Горькая судьбина» еще не го-

ворилось. На первый взгляд, молодой дворянин Чеглов-Соковин отличается от массы помещиков своей образованностью и демократизмом. На цитированную реплику Золотилова о глупости крестьян он отвечает зятю, как указано в ремарке, (*хватая себя за голову*): «Чувствуешь ли, <...> какие ужасные вещи говоришь, и <...> тоном Тараса Скотинина?» [16, с. 181]. Сложившаяся ситуация мучает его, что подчеркивает портрет: «Худой и изнуренный <...>, сидит, потупивши голову, на диване» [16, с. 179].

Но его фамилия, восходящая к названию птицы семейства соколиных «чеглок», раскрывает темные стороны характера персонажа, поскольку чеглок, несмотря на безобидные размеры, «превосходит другие виды хищных птиц, без труда догоняет и бьет <...> ласточек» [18, т. 38, с. 454]. Орнитологи указывают, что птица, как и герой Писемского, предпочитает плыть по течению, нежели предпринимать активные действия: «Чеглок умеет использовать воздушные потоки в своих целях, поэтому часто просто парит в воздухе, затрачивая минимум усилий» [19].

Своеобразная повадка чеглока, скорее всего, и привлекла внимание писателя: «Следует уточнить одну важную деталь <...>: чеглоки не строят гнезд <...>, а занимают пустующие либо прогоняют владельцев гнезд, после чего чеглок это гнездо занимает» [19]. Бесхарактерный помещик стал первопричиной развернувшейся драмы: пользуясь отсутствием на заработках в Питере мужа своей крепостной любовницы Лизаветы – Анания, он занимает их семейное гнездо; а узнав о возвращении супруга – приказывает бурмистру силой увести женщину с новорожденным сыном в барский дом.

Другое значение фамилии приводит в своем словаре В. И. Даль: «чóглый или чéклый» – «не истинный, настоящий ли?» [20, с. 535]. Если учесть дополнительное значение фамилии героя-любовника, драматург словно задает вопрос: так ли Чеглов любит, как Лизавета, или затеял скандал, чтобы чужими руками убрать надоевшую женщину и компрометирующего его ребенка? Следует отметить, что о знакомстве с Далем и о востребованности его Словаря Писемский свидетельствует в послании Б. Н. Алмазову [17, с. 243].

Еще одним способом раскрытия характеров действующих лиц драмы являются исторические аллюзии, призванные напомнить читателю консервативный и жестокий быт Руси времен

царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Эта эпоха интересовала писателя со времени сотрудничества в журнале «Москвитянин» (1850–1852) под редакцией известного русского историка. М. П. Погодин, начавший издание журнал со статьи «Петр Великий» (1845), впоследствии развил свои мысли в позднем труде «Петр Первый и национальное органическое развитие» (1863): «Древней России необходима была реформа, обновление, преобразование <...>. Машина ее совершенно обветшала: рассмотрите тогдашнее общество, разберите <...> все составные части, – и вы согласитесь, что в прежнем положении оставаться было нельзя <...>. Что такое боярские козни <...>» [21, с. 148].

С тех пор темные и дикие нравы, не облагороженные просвещением, с верой в ничтожество женщины и убеждением в необходимости младших покорствоваться старшим (о которых подробнее будет сказано ниже, при анализе монологов соседа Никона) у Писемского ассоциировались со временами боярской Руси. Об этом свидетельствует название одной из его повестей: «Боярщина». Впоследствии он оформит свои взгляды о благодатном влиянии Петра Первого на судьбу России в историческую драму «Милославские и Нарышкины» (1867, опубл. 1886).

Писемский любил давать своим героям двойные фамилии, раскрывающие разные стороны их характера, начиная с фамилии «Задор-Мановский» в уже упоминаемой повести «Боярщина». Часто он давал исторические фамилии (граф Сапега в той же повести «Боярщина»), слегка измененные (князь Сецкий (Сицкий) в повести «Богатый жених»). В драме «Горькая судьбина» о невежественных изуверских временах напоминает вторая фамилия Чеглова, «Соковин». Фамилия богатого и якобы просвещенного помещика восходит к фамилии знатной в допетровской Руси дворянской семьи Соковлиных (из которой происходила боярыня Федосья Морозова). Ее брат Алексей Прокофьевич Соковлин, Леонтий Цыклер и Федор Пушкин первыми выступили против реформ молодого царя Петра за «святую» старину, составив так называемый «заговор Цыклера» (1697) [18, т. 30, с. 722].

В финале пьесы помещики и чиновники умчались жаловаться друг на друга губернатору. Это позволяет Писемскому превратить развязку в потрясающую сцену христианского покаяния и прощения настоящих (в отличие

от дворянских героев) христиан: «**Ананий Яковлев** (кланяется). Простите меня, христиане православные! (начинает со всеми целоваться, и с первым бурмистром...); «Еще раз земно кланяюсь: не помяните меня, окаянного, лихом, и помолитесь о душе моей грешной!» [16, с. 223].

При раскрытии характеров второстепенных действующих лиц драмы, действительно, огромное значение имеют их говорящие имена и отчества. Так, старая соседка семьи Спиридоньевна дает мудрые советы о взаимном прощении в духе почитаемого святого Спиридона Тримифунского: «Кто Богу не <...> противен, царю не виноват...» [16, с. 165]. Последний тоже «занимался сельскими работами <...> и помогал своими советами и словами христианской мудрости» [22, с. 240]. Из ее уст мы слышим о «сереом кардинале» разыгрывающейся драмы, которую она разоблачает подобно тому, как святой покровитель ее отца «простыми, но сильными словами обличал еретиков» [22, с. 240]: «Злодей наш бурмистр Калистрат Григорьевич. <...>. Кому <...> окромя его, научить господина на женщину замужнюю, а теперь <...> своими услугами да послугами такую над ним силу взял, что на удивленье...» [16, с. 166]. Возможно, в лице старухи драматург выводит резонера, который озвучивает скрытый авторский замысел, что предполагал уже И. Анненский: «Он [Ананий] был гордый человек, равного <...> найти не мог, не за то ли и Бог его наказал, как предполагает старая Спиридоньевна <...>?» [10, с. 51].

Но отрицательные персонажи Писемского своими действиями компрометируют потенциал своего имени. Такова мать Лизаветы, Матрена, имя которой с греческого переводится как «госпожа», «мать семейства» [23, с. 119]. Приживалка в доме зятя, она, боясь лишиться сытой жизни, встает на его сторону и проклинает дочь:

«**Матрена.** Мне с ней не совладать: слов моих бранных она не слушает, бить мне ее силушки не хватает, значит, и осталось одно: послать ее к черту-дьяволу.

Лизавета (простонав). Проклинайте больше, проклинайте» [16, с. 200].

Даже Ананий в ужасе от жестокости тещи останавливает ее: «Перестаньте, полноте...» [16, с. 200]. Последствия материнского проклятия (не столько мистические, сколько психологические) Писемский уже анализировал в одном из лучших своих рассказов «Леший» из цикла «Очерки из крестьянского быта» (1856).

Показательно, что перед наступлением кульминационного действия драматург посвящает целое явление исключительно Матрене и ее молитве Всевышнему о том, чтобы все закончилось хорошо (Действие третье. Явление III):

«**Матрена** (захлопнув окно). Ой, горя и печали наши великие! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его... На одну теперь <...> Владычицу нашу, Тихвинскую Божию Матерь, все и чаяния наши... Отверзи милосердия Твоего врата, Матушка... Ты бо еси один покров наш... заступи и помилуй!.. Угодники наши святые, Николай Чудотворец и диакон Стефан Великомученик – оградите крылом Вашим раб недостойных, аще словом, ведением или неведением согрешили пред Господом... батюшки наши страстотерпцы и милостивцы» [16, с. 196].

Полуграмотная и взволнованная старушка соединяет здесь отрывки из многих распространенных на Руси молитв: и 131-й Псалом царя Давида – Молитва при гнев начальствующих («Милосердия двери отверзи нам...»), и Молитву к Богородице, и молитву Святого Макария Великого к Богу Отцу, и Тропарь к Покрову и т.д. Тем не менее, следует проанализировать круг упомянутых ею святых, что поможет понять и отчасти предсказать разворачивающиеся далее события драмы.

Тихвинская икона Божией Матери – одна из пяти почитаемых на Руси икон Богородицы, написанная, по преданию, евангелистом Лукой. Перенесена по воздуху из Византии на берег реки Тихвинки в Новгородской губернии неподалеку от места будущего Санкт-Петербурга, откуда и вернулся домой ничего не подозревающий Ананий. Помимо «географической» близости святыни местам разворачивающихся в драме событий, предания о ее чудесах акцентируют внимание на осаде, проявленной осажденными стойкости и невозможности бежать. Эти события Русско-шведской войны (в уменьшенном, разумеется, масштабе) вскоре развернутся в избе Анания.

Архидиакон Стефан, «один от семидесяти апостолов» (как и Анания), стал первым мучеником, пострадавшим за веру после Вознесения Христа в 34 г. от Рождества Христова. Со смирением к врагам и кротостью, которую проявит потом крестьянин: «Не вмени им греха сего и прими дух мой». При его побивании камнями присутствовал Савл (обращенный затем в христианство св. Ананией Павел).

Не менее двух раз в пьесе звучит имя любимого народом Николая Мир-Ликийских чудотворца. Помимо молитв, крестьянин Никон вспоминает о своей работе в соборе св. Николы Морского в Петербурге (Николо-Богоявленский морской собор), прихожанином которого мог быть Ананий.

Молитва царю Давиду в пьесе предвещает появление на пороге дома Елизаветы и Анания Давыда Иванова. Молодой крестьянин Давыд Иванов первым осознает, что барин и бурмистр заставили его участвовать в чем-то греховном, и смело уходит из дома Анания и Елизаветы, пробуждая совесть остальных мужиков и уничтожая «блестящий» план Чеглова-Соковина и Калистрата по уводу любовницы и сына в барский дом. Давыд подражает своему святому покровителю, когда «Господь коснулся его сердца и в нем явилось сознание своей греховности...» [22, с. 161]. Понятно, почему именно ему добровольно сдается Ананий после своего спонтанного побега и возвращения.

Провокатором трагедии становится «мужичонка» Никон (в переводе с греческого – побеждающий) [23, с. 128], который раскрыл глаза мужу на измену жены и таким же победителем ведет себя во время следствия.

Здесь, как и в случае с именем Матрены, носитель дискредитирует значение своего онима. Никон считает себя знатоком барской жизни, человеком широкого кругозора. Но в первом же действии он разоблачает себя как человек, давно не выезжавший из своей глухой деревушки. Никон проявляет страх по отношению к паровозу, который большинство его односельчан давно не пугает: «<...> Тут не то, что выходит пар, а нечистая, значит, сила!.. Ей-богу, по тому самому, что ажно ржет, как с места поднимает: тяжело, значит, сразу с места поднять. Немец теперь, выходит, самого дьявола к своему делу пригнал» [16, с. 170].

Никон убежден, что не может младший преуспеть раньше старшего: «Не очень они нас, стариков, слушают...» [16, с. 219]. Но за этим кроется зависть неудачливого предпринимателя к преуспевшему в Петербурге Ананию: «Не супротив их, может, человек был...» И жадность: «Вон из Питера пришел [Ананий] <...> полштофчиком только поклонился, да и шабаш на том» [16, с. 219].

Никон, как и Матрена, верит в нечистую силу и даже считает себя колдуном. Эта самохарактеристика позволяет увидеть в нем

двойника «печерского старичищи» из рассказа «Плотничья артель», который своими ведовскими действиями (щедро оплаченными) пытался, но не сумел помочь Петру, попавшему в безвыходную ситуацию.

В финале он тоже раскаивается: «**Никон** (обливаясь слезами). Все там, Анаша, будем, все – до единова» [16, с. 223].

Таким образом, писатель проводит резкую грань между истинной верой крестьян и постепенно уходящими из мужицкого быта суевериями, которых продолжают придерживаться только самые старые и ограниченные жители деревни. Накануне реформ он недвусмысленно предупреждает интеллигентное общество, что ему предстоит столкнуться лицом к лицу не с безграмотной массой, а с взрослеющими на глазах личностями.

Толкование имен центральных действующих лиц драмы Писемского усложнено авторским сопоставлением действий героев с фактами земной жизни их небесных покровителей.

Так, бурмистр Калистрат, которого И. Анненский назвал «фанатиком челядинства» [10, с. 53], подобно небесному покровителю, унаследовал свои воззрения на жизнь от деда: «Дед святого [Калистрата] <...> служил <...> под началом прокуратора Иудеи Понтия Пилата и был свидетелем Крестных страданий Господа нашего Иисуса Христа...» [24]. Калистрат Писемского напоминает ровеснику-старика о жестоких нравах деда нынешнего барина: «Мы вот таперича с тобой третьим господам служим; всего тоже видали на своем веку...» [16, с. 201]. Но Калистрат Писемского, в отличие от святого, прежние времена вспоминает с благоговением и путает служение земному и Небесному Господину. Обратим внимание на постоянные отсылки к Богу в его речи: «Я сам, Господи, <...> старому господину моему служил без году пятьдесят годов <...>. Верный раб, и по Святому Писанию, не жалеет живота своего для господина» [16, с. 187].

Порочность нашего Калистрата так же развращающе действует на мужиков, как святость его небесного покровителя на подчиненных ему воинов: «Видя все происходящее, 135 других воинов также уверовали <...>. Святого Калистрата с дружиной <...> заключили в темницу, где они горячо молились и благодарили Создателя, давшего им силу переносить страдания» [24]. В отличие от них, односельчане Анания, хоть не без смущения, готовы принять участие в

беззаконном уводе чужой жены, заставляя его в отчаянии воскликнуть: «Вижу я, что вы все одинаковы Иуды-то предатели...» [16, с. 203–204].

Столь же резко контрастирует поведение Лизаветы в кульминационной сцене пьесы с действиями ее небесной покровительницы, матери младенца Иоанна Предтечи, когда царь Ирод, узнав о необычном происхождении Иоанна, пожелал убить младенца: «Повсюду искали Иоанна. Праведная Елисавета, увидев преследователей, со слезами стала молить Бога о спасении. И тотчас расступившаяся гора укрыла ее с младенцем от погони» [24].

Действительно, стоило Лизавете Писемского заявить о своем нежелании, и толпа колеблющихся мужиков рассеялась, как ушел один из них с библейским именем Давид. Но Лизавета ставит чувства выше жизни ребенка: «Нету! Нету! Не бывать по-вашему никогда <...>!» [16, с. 205]. Она бунтует против Божьих законов, связавших ее с мужем, подобно Калистрату: «Грешница я али праведница <...>, а что стыд теперь всякой свой потеряючи, при всем народе говорю, что барская полубовница есть, и <...> ведите меня к господину...» [16, с. 205]. Характерно, что в финале драмы раскаявшаяся женщина повторяет одну фразу: «Грешница я, грешница!» [16, с. 213].

Лишь Ананий ведет себя подобно своему святому покровителю, «одному от семидесяти» апостолов. Сначала он не был готов признать чужого младенца, как апостол Анания не хотел крестить Савла (будущего апостола Павла) – гонителя христиан [22, с. 184]. Но после совета священника, как Анания – после Божественных слов, он готов простить Лизавету и признать ее ребенка: «Муж глава своей жены! <...> это дело церкви петое: коли что нехорошее видишь, так грозой или лаской <...>, а исправить надо» [16, с. 200]. Но прилюдные издевательства приводят его к нервному срыву: он убивает мальчика и убегает, чтобы затем вернуться и добровольно претерпеть муки за грех.

Сцена допроса Анания Яковлева и его полные достоинства ответы являет реминисценцию сцене допроса в финале Жития святого Анании: «Когда правитель стал грозить ему <...>, Анания сказал: “Делай что хочешь <...> Он дал мне силу крепко стоять пред тобою и мужественно терпеть муки. Зачем же медлишь?”» [22, с. 183]. Таков Ананий: «...И наказание себе облегчить нисколько <...> не желаю; помоги только Бог с терпением перенести, а <...> хоша бы муки смертные принять готов...» [16, с. 221].

Язычники распорядились отправить тело праведника в город Дамаск и там похоронить. Анания Яковлева тоже провожают в город похоронными причитаниями, ибо понимают, что с каторги он не вернется: «Все его провожают, Матрена с другими бабами начинает выть: “Уезжает наш батюшка, заходит наше красное солнышко”» [16, с. 223].

И. Иванов счел неправдоподобной сцену прощения Ананием жены: «Умнейший и талантливейший мужик неразрывно связан с исконными порядками <...> среды <...>. Он прежде всего <...> эгоист» [25, с. 147]. Но подобную христианскую высоту души крестьянина Писемский изображает не в первый раз. В рассказе «Питерщик» Клементий (его имя переводится с греческого «милостивый») демонстрирует ее в отношениях с тремя женщинами, две из них были его законными женами, а третью он полюбил «городской» преступной страстью. Он ценил свою первую жену Машу как образованную женщину, которая умела «форс держать» [26, с. 227–228]. Он терпит вторую жену, неряху Дашу, несмотря на то что женился во второй раз по приказу родственников.

В Петербурге Клементий, простив обиду, оставил расчетливой «барышне» Палагее щедрые подарки и дал возможность быть счастливой с нещепетильным чиновником. Этот жест, противоречащий поведению типичного «питерщика», свидетельствует, что страдания делают крестьянских парней интеллигентной личностью. Отречение от эгоизма, оказавшееся недоступным большинству дворянских героев Писемского, по убеждению писателя, выявляет внутренний потенциал русской натуры. Столичные путешествия оказываются необходимы для крестьянских героев Писемского. Они учили чувствовать. В то же время «городской» духовный опыт не был бы приобретен, не будь под ним деревенского благочестивого «здоровомыслия» [26, с. 242].

Анализ имен действующих лиц пьесы А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» вскрывает в драматургии писателя скрытый пласт – религиозно-моралистический. Он определяет важнейший в драме скрытый конфликт, который мотивирует конфликты социальный и любовный. Действующие лица не только совершают поступки в соответствии или вразрез с данными именами, но и творят на земле новое Житие или, чаще, «антижитие».

Переживания от падения нравов образованного сословия, которое писатель остро ощущал с приближением Великих реформ, нашли отражение в уподоблении действующих лиц представителям животного мира. Причем, в отличие от М. Е. Салтыкова-Щедрина и других авторов, Писемский, используя данный прием, нашел свою «нишу» – сближение действий отрицательных персонажей с повадками птиц.

Наконец, в 1850-е гг. писатель убедился, что происходящие реформы не меняют многовековых нравов. Поэтому он снова обратился в подтексте пьесы к любезной ему истории первых лет правления Петра Великого

Таким образом, ономастика в зрелом творчестве Писемского образует четкую систему. Онимы в драме «Горькая судьбина» имеют три типичных для зрелого творчества Писемского источника: религиозно-моралистический, исторический и параллели с представителями животного мира.

А. В. Вдовин отмечает, что в указанную эпоху важнейший процесс «“введения” русских крестьянских характеров в галерею национальных характеров» происходило (в том числе у Писемского) путем подтекстовой переключки их поведения и облика с известными типами классической русской и европейской литературы [14, с. 315]. Мы можем уверенно дополнить эту гипотезу указанием на то, что Писемский параллельно данному сопоставлению систематически и сознательно проводил аналогию между крестьянскими судьбами и фактами земной жизни известных на Руси персонажей житий, с учетом того, что каждый русский человек знал земную историю своего и многих других популярных небесных покровителей.

Список литературы

1. Дудышкин С. С. Две новые народные драмы. «Гроза». Драма г. Островского. «Горькая судьбина». Драма г. Писемского // Отечественные записки. 1860. Т. 128, № 1–2. Отд. 3. С. 37–41.
2. К. А. <Аксаков К. С.> О драме г. Писемского «Горькая судьбина» // Русская беседа. 1860. Т. 7. Кн. 19. Смесь. С. 117–118.
3. Михайлов М. Л. «Горькая судьбина». Драма в 4-х действиях А. Писемского // Русское слово. 1860. № 2. Отд. 2. С. 1–9.
4. Хомяков А. С. Отзыв о драме г. Писемского «Горькая судьбина» // Отчет о четвертом присуждении наград графа С. С. Уварова 25 сентября 1860 года. СПб., 1860. С. 50–52.

5. Ахшарумов Н. Д. Отзыв о драме г. Писемского «Горькая судьбина» // Отчет о четвертом присуждении наград графа С. С. Уварова 25 сентября 1860 года. СПб., 1860. С. 53–64.
6. Кушелев-Безбородко Г. А. «Горькая судьбина». Драма в 4-х действиях, сочинение г. Писемского // Русское слово. 1860. № 11. Отд. 2. С. 1–11.
7. Лакшин В. Я. Спор о Писемском-драматурге // Театр. 1959. № 4. С. 94–97.
8. Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 360 с.
9. Журавлева А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М. : Изд-во МГУ, 1988. 198 с.
10. Анненский И. Книги отражений. М. : Наука, 1979. 679 с. (Литературные памятники).
11. Никитенко А. В. Записки и Дневник : в 3 т. / под ред., вступ. ст. М. К. Лемке. СПб. : Гербальд, 1905. Т. 1. 632 с.
12. Тимашова О. В. Религиозное сознание А. Ф. Писемского // Духовная культура России: история и современность : сб. науч. трудов. Саратов : Изд-во Саратовской епархии, 2006. С. 122–127.
13. Кравченко Е. В. Система персонажей и семантика имен в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» как способ выражения авторской позиции // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 234–246. EDN: UDHASF
14. Вдовин А. В. Русский народный характер как «литературный обман» (рассказ А. Ф. Писемского «Леший») // Studia Russica Hlsingiensi et Tartuensi, XII : Мифология культурного пространства: К 80-летию С. Г. Исакова. Тарту : Tartu University Press, 2011. С. 301–317.
15. Дружинин А. В. Прекрасное и вечное : сб. ст. М. : Современник, 1988. 541 с.
16. Писемский А. Ф. Пьесы. М. : Искусство, 1958. 447 с.
17. Писемский А. Ф. Письма / под ред. М. К. Клемана, А. П. Могилянского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 928 с.
18. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Эфрона : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907.
19. Энциклопедия животных. URL: <http://www.faunistics.com> (дата обращения: 01.10.2024).
20. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Изд-во общества любителей Российской словесности, 1866. 680 с.
21. Погодин М. П. Петр Первый и национальное органическое развитие // Петр Великий: pro et contra : антология. СПб. : РХГИ, 2003. С. 139–145.
22. Жития святых, выборочно и сокращенно изложенные, и праздники Православной Церкви. СПб. : Типография Ф. Елеонского, 1886. 254 с.
23. Полный месяцеслов всех празднуемых Православною Греко-Восточною Церковию Господних, Богородичных праздников и всех святых с краткою историею об оных, тако же торжественных дней, собранный из Московских и Киевских Святцов, из Пролога и Четь-Миней, с присовокуплением к нему толкования имен и сношением между собою чисел. М. : Типография А. Петракова, 1795. 728 с.
24. Православный церковный календарь. URL: <https://azbyka.ru/days/> (дата обращения: 01.10.2024).
25. Иванов И. И. Писемский. СПб. : Мир Божий, 1898. 226 с.
26. Писемский А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. / под ред. А. П. Могилянского ; подг. текста и примеч. М. П. Еремина. Т. 2. М. : Правда, 1959. 564 с.

Поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 22.12.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 22.12.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published 29.08.2025